

ГЛАВА 1

Серия хлопков порвала сонную тишину городка. Ночь едва началась, тьма окутала неказистые постройки. Стреляли неподалеку от армейских складов на улице Камышинской. Комендантский час канул в Лету, но в темное время суток Вдовин вымирал, из подворотен выбиралась нечисть — вездесущий криминал, наводящий ужас на мирных граждан. Группа реагирования прибыла через три минуты — караульное помещение находилось в соседнем квартале. Пришлось поплутать, трое свернули не в тот переулок и пошлепали по лужам. Вечером по городу прокатилась сильная гроза, вода еще не впиталась в землю.

— Сюда, товарищ младший сержант! — пронзительно закричал боец, и все припустили на зов.

Улица Камышинская в западной части Вдовина петляла, как горная река, огибала складские и хозяйственные постройки. Армейский па-

трюль подвергся атаке у входа в узкий переулок, где обрывался дощатый забор. Ограду прикрывали кусты акации и уродливые тополя. Три тела в армейском облачении лежали на проезжей части дороги. Бойцов застали врасплох, их атаковали из переулка, ослепив фонарями, перестреляли из пистолетов. У парней не было шанса спастись. Автоматы и запасные магазины пропали — очевидно, в этом и состоял смысл нападения. Подбежавшим солдатам предстала странная картина. Их товарищ одной рукой удерживал фонарь и цевье автомата, его палец дрожал на спусковом крючке. Он бормотал срывающимся голосом: «Ни с места, тварь, не шевелись, стрелять буду...» Возле тела на корточках сидел мужчина в штатском, щурился от яркого света. Он был без оружия, по крайней мере, руки были пусты. Возможно, он пытался помочь сержанту — тот еще вздрагивал, царапал ногтями сырой грунт, пытался открыть глаза. Это удалось, умирающий издал последний вздох и затих. Глаза с тоской устремились в бездонное небо, затянутое тучами.

— Встать, падла! — прорычал старший. — Руки вверх, медленно поднимайся!

— Товарищ младший сержант, разрешите его пристрелить? — взволнованно бормотал боец. — Ребята погибли — Петруха Чернов, Максимка

Перепелицын... Неужели живым будем брать этого гада?

— Отставить, Семченко... Поднимайся, урод, уши ватой забил?

— Мужики, вы чего, белены объелись? — У незнакомца был хрипловатый выразительный голос. Он не стал делать резких движений, медленно встал с поднятыми руками. — Не я их убил... шел по соседней улице, услышал выстрелы, прибежал...

— Заткнись, — процедил подтянутый младший сержант. — Калитников, Шмыгарь, осмотреть окрестности! Малахов, держи этого типа на мушке! Семченко, обыщи его!

Дураком сержант не был, поэтому имел резонные сомнения. На патруль напали с целью завладения оружием — и своего добились. При чужаке ничего не было. Не спрячешь под курткой три ППШ и под сумки с дисками. Оттащил в сторону? За каким, спрашивается, хреном? А самому убежать не судьба? Пристрелить троих ума хватило, а сделать ноги, значит, нет? Незнакомец волновался, но держал себя в руках. На вид ему было прилично за тридцать, рост чуть выше среднего, ладно сложен, русые волосы с сединой. Глаза какие-то необычные — то ли голубые, то ли светло-серые. Семченко повесил автомат на плечо,

схватил мужчину за ворот. Боец еле сдерживался, погибли близкие товарищи. Семи пядей во лбу явно не было. Резким движением он оторвал пуговицы на куртке задержанного — не расстегивать же каждую! Мужчине это не понравилось, последовало инстинктивное защитное движение. Семченко расвирепел, вырвал руку, замахнулся. Незнакомец ее перехватил, оттолкнул бойца. Семченко чуть не упал, пришел в бешенство, скинул с плеча автомат и передернул затвор.

— Семченко, отставить! — взревел младший сержант. Он лично обшарил строптивного незнакомца. В карманах не нашлось ничего интересного: папиросы, спички, скомканный носовой платок, паспорт гражданина СССР на имя Горина Павла Андреевича. Красноармеец держал «злоумышленника» на мушке, сержант изучал находки в свете фонаря.

— Товарищ младший сержант, нет в округе никого! — доложил вернувшийся боец. — Ушли, сволочи, как в воду канули. Только этот остался...

— Ты что тут делал, сука?! — Выдержка изменила, сержант схватил мужчину за ворот.

Тот не менялся в лице, смотрел раздраженно, с какой-то грустью.

— Сержант, ты же не тупой, — вздохнул он. — Понимаю, подозрительная личность на месте

преступления, но ты сам раскинь мозгами. Мимо шел, понимаешь? Это преступление? Комендантский час отменен. Мы свободные граждане свободного государства. Прибежал на выстрелы, мало ли что. Не знал, что ваши пострадали. Преступники ушли — забрали оружие и сгнули, никого не видел. Этот парень еще шевелился, я ему помощь хотел оказать.

Сержант заскрипел зубами. Живых не осталось — тела осмотрели. В караулке на соседней улице уже шумели. Подбежал офицер, оценил ситуацию, крепко выразился. Разносились крики: всех в ружье, прочесать окрестные улицы! В городе для охраны складов осталось небольшое подразделение — подняли всех. Из караулки позвонили в милицию, и стражи порядка прибыли быстро. Из переулка вывернула разбитая «эмка», заскрипели тормоза. Свет фар озарил картину происшествия. Вышли двое в форме, один в штатском. Окровавленные тела были не самым привлекательным зрелищем. Коренастый мужчина в короткой замшевой куртке с рыжим отливом поморщился. У него был мясистый нос, вьедливые глаза, лысая голова, на лице щетина. Он исподлобья обозрел тела, уставился на задержанного. Последний смиренно стоял на коленях, смотрел в землю. Руки были заведены за

спину. Над душой, расставив ноги, завис автоматчик.

— И что тут у вас? — проворчал бритый.

— Держите. — Начальник патруля сунул ему паспорт и скупно обрисовал ситуацию: — Оружие и патроны у ребят забрали. Документы не тронули — значит, шли только за оружием. Вот же суки... — не сдержался сержант. — Убивать-то зачем?

Мужчина с голым черепом пожал плечами. Вопрос был правомерен, но глуп. Убивали и за рубль, и за пачку папирос. Человеческая жизнь перестала быть ценным товаром.

— Будете забирать? — спросил сержант. — Личность подозрительная. Документ может оказаться поддельным.

— Еще какая подозрительная личность, — согласился бритый, смерив взглядом незнакомца. Где она, эта грань, отделяющая подозрительных людей от тех, что внушают доверие? Разбираться на месте рядом с трупами как-то не хотелось.

— Семенов, останься, запротоколируй тут все, — проворчал мужчина. — Не будем рассчитывать на военную прокуратуру. А мы — в отделение. Рахимов, наручники взял? Пакуй хлопца, поедем разбираться, что за гусь к нам залетел...

Отделение РКМ находилось в центральной части Вдовина, неподалеку от городского парка (окрещенного жителями «городским лесом»). Найти в этом городе здание выше двух этажей было проблематично. Стражам порядка выделили кирпичное строение без архитектурных излишеств. Оно сошло бы за конюшню, если бы не странная башенка на крыше, напоминающая луковицу. Над крыльцом трепетал флажок Союза ССР. Окна первого этажа были забраны решетками. Водосточные трубы и пожарные лестницы отсутствовали, забраться по стенам на крышу было невозможно. Проникнуть внутрь без санкции — тоже проблемно, проход преграждала решетчатая дверь, за которой сидели дежурные. Полгода назад райотдел подвергся нападению. Банда была отчаянной, состояла из бывших офицеров Красной армии (каждый имел свою причину ступить на скользкую дорожку). Разбойники решили отбить главаря, попавшегося на деле. Бросили гранату, прорвались с автоматами внутрь. Милиционеры отбились, в здании допоздна засиделись опера — тоже бывшие офицеры, о чем бандиты не знали. Трех потеряли, троих ликвидировали — так и закончили вничью. Злоумышленники бежали, и остро встал вопрос обеспечения безопасности тех, кто обеспечивал безопасность населения...

Ночь была в разгаре, большая часть сотрудников отдыхали. Мужчина с бритым черепом сидел за столом, отрешенно перекладывал с места на место бумаги. Ночное происшествие на Камышинской просто доконало его. Преступники ушли, военные ничего расследовать не будут. Они вообще доживают последние дни в этой дыре, склады перевозят в Ленинград, личный состав тоже завтра-послезавтра уйдет. Дел по горло, бандитизм процветает, а тут еще это...

Он угрюмо смотрел, как конвоир вталкивает задержанного. Запястья арестанта были скованы наручниками — от греха подальше. Человек за столом еще не спал, глаза слипались. Дома его ждали жена, дети... Да какого черта, нет у него никаких детей и никогда не будет! Он усердно заговаривал злость. Субъект в наручниках ему решительно не нравился, он смотрел спокойно, словно ничего не боялся! По знаку конвоир подтолкнул его к стулу, вышел. Молчание затянулось. Этот тип несказанно бесил, и сохранять спокойствие становилось все труднее. «Посетитель» равнодушно обзрел стены с облезлой штукатуркой, портрет товарища Сталина над головой начальника уголовного розыска и остановил взгляд на «гражданине начальнике». На бродягу он не тянул. Одежда была чистой, целой — если

не замечать оторванные красноармейцем пуговицы. Взгляд немного «плавал» — значит, не обошлось без рукоприкладства. Но человек держался.

— Капитан Куренной Вадим Михайлович, начальник Вдовинского уголовного розыска, — представился мужчина. — А ты чьих будешь, мил человек? Какими делишками промышляешь?

— Паспорт у вас, — разлепил губы задержанный. — Документ не поддельный, можете проверить.

— А так не помнишь? — Куренной оскалился, выдвинул ящик и извлек паспорт. — Так-с, Горин Павел Андреевич, одиннадцатого года рождения, неженатый, дети отсутствуют, прописан в Новгороде... вернее, уже не прописан — выписан. Бродяжничаем, гражданин? Нигде не работаем, ведем антисоциальный образ жизни? Ох, мужик... — Куренной отбросил красную книжицу, с прищуром воззрелся на задержанного: — Ты даже не представляешь, сколько я подобных перевидал на своем веку. Коммунист?

— Сочувствующий. — Губы задержанного перекосила усмешка. Впрочем, он быстро ее стер.

— Как это? — не понял Куренной.

— Всецело поддерживаю линию партии, но сам еще не вступил.

— И не вступишь. — Куренной хмыкнул. — Кто же ты, добрый странник? Долго будешь нас за нос водить?

— Горин Павел Андреевич...

— Да хоть Рамзес Тутанхамонович, — отрезал капитан и начал багроветь. Но пока держался. Распустишь руки посреди ночи — потом до утра не успокоишься. — Ты глубже в себя копни, мил человек, суть нам свою изложи. Да не завирайся. Пару подзатыльников ты уже выпросил, можем добавить.

Скрипнула дверь. В кабинет проникла зевающая женщина — лет тридцати, может, больше, высокая, худая, с темными волосами и каким-то заостренным лицом. Ее можно было назвать привлекательной, но образ портили недобрый взгляд и чересчур выпуклые скулы. Женщина носила мужские брюки, темный жакет, и что-то подсказывало, что в этих стенах она не чужая.

— Не помешаю, Вадим? — У нее был хрипловатый, но в целом приятный голос.

— Присутствуй, — кивнул Куренной. — Вдвоем мы быстро разберемся, что за гусь у нас хрустальный.

Женщина обошла задержанного, не сводя с него насмешливого взгляда, внимательно изучила лицо — и только после этого присела на свободный стул.

— Прошу любить, — сказал Куренной, — Латышева Кира Сергеевна, старший оперуполномоченный Вдовинского уголовного розыска. В ее присутствии лучше не ври, приятель.

— Всегда ваша. — Женщина хищно оскалилась.

— Польщен, — пробормотал Горин. — Ладно... уже представился. Уроженец Новгорода, до войны работал в звании старшего лейтенанта в Сухомлинском райотделе милиции, занимал должность оперуполномоченного уголовного розыска. В сороковом году переведен в отдел по борьбе с бандитизмом в том же районе — исполнял обязанности заместителя начальника отдела. Осенью сорок первого одобрили прошение, отправили на фронт. Командовал взводом. Через год дали капитана — возглавил роту полковой разведки. Участвовал в боях под Москвой, переведен на Ленинградский фронт. Белоруссия, Польша, Германия. Имею медали «За отвагу», «За освобождение Варшавы», орден боевого Красного Знамени — за участие в освобождении Кракова и Бреслау. Три ранения — в сорок втором, сорок третьем и марте сорок пятого — три месяца назад. Ранение было незначительным, но сопровождалось обширной контузией. Пока лечился, кончилась война. Демобилизован три недели назад.

В Новгороде... потерял жилье, но бродяжничать не намерен. В город Вдовин прибыл по личным делам, что не возбраняется законом. Снимаю жилье по адресу улица Кленовая, 14, квартира 6. Это две отдельные комнаты на втором этаже барачного строения. Хозяйка — Евдокия Семеновна Свечникова, пенсионерка, проживает в доме напротив, квартира, кажется, 11... Я могу идти, товарищи начальники?

— Во насвистел... — с каким-то восхищением выдохнула женщина. — Мне бы научиться так свистеть... Разреши, я ему тресну, Вадим? Со всей, так сказать, пролетарской принципиальностью. — Женщина сжала кулачок. Он был хоть и маленький, да, похоже, удаленький.

— Подожди, — поморщился Куренной. — Нагородил ты, конечно, густо, Павел Андреевич. Особенно впечатлило твое боевое и милицейское прошлое. Коллега, так сказать. Ну-ну. Не молод ты был — ходить перед войной в начальниках по борьбе с бандитизмом? Хотя согласен, судят не по годам, а по делам. И знаешь, я даже не отрицаю, что ты не врешь. Вроде не дурак, должен понимать, что все легко проверяется.

— А свое боевое прошлое, дружок, — если не врешь, конечно, — засунь себе в одно место, — посоветовала Кира. — Мы тоже не на печи лежа-

ли. А банда ублюдков, которую накрыли полгода назад, сплошь состояла из офицеров — с заслугами, ранениями и тому подобным. Убивали не глядя — хоть детей, хоть стариков.

— Ладно, замнем. — Куренной поднялся размять кости. — Личные дела, говоришь, привели во Вдовин? Допустим. Мы не любопытные, через окна за порядочными гражданами не подглядываем. Какого хрена ты оказался ночью на улице Камышинской, где склады и арсеналы Наркомата обороны — то есть объекты явно не развлекательные?

— Шел на улицу Тургенева, — неохотно выдал задержанный. — Не подглядываешь, говоришь, через окна, капитан?

— Обрати внимание, Вадим, — сказала Кира, — этот темнила гладко выбрит. Аж до синевы. А вы, мужики, не большие любители бриться — особенно по ночам. Вас из-под палки не заставишь это сделать. Раз в неделю, и то со скандалом, когда уже жена ворчит и начальство косо поглядывает. К бабе шел?

— Молодец, Кирюха, а я внимания не обратил. — Куренной усмехнулся. — Все-таки есть в вас что-то, в бабах. Согласен, перед ограблением бриться необязательно. А время для свидания не позднее, Павел Андреевич? В котором часу там

тебя прибрали — считай, в полночь? Не подкинешь адресок зазнобы?

— Не подкину, — проворчал Горин. — Слушайте, граждане начальники, вам самим-то не смешно? Заняться нечем? Всех преступников переловили? Настоящую банду ищите — ту, что молодняк в форме ликвидирует и оружие похищает. Шел я мимо, понятно? Выстрелы услышал, побежал. Да, не в другую сторону, а именно туда, где стреляли. Натура такая. Назовите это храбростью или глупостью, мне плевать. Злодеи уже ушли — никого не видел и не слышал. Из переулка выбежал, а там тела. Фонаря не было, но видно же. Тот парнишка еще дрожал, не пройду же я мимо него? А потом военные набежали, давить начали...

В помещении наступило продолжительное молчание. Кира недоверчиво кривила нос. Куренной устремил на арестанта долгий взгляд. Задержанный попался не из трусливых, дерзил, нарывался на новый подзатыльник. Не мог он участвовать в нападении. Теоретически мог быть сообщником, но... Тоже версия для слабых умом. По случайности оказался именно там и именно в это время. Случайности случаются. Пытать, колоть, заставлять признаться в том, чего не делал? Можно, занятие нехитрое, и раскрываемость по-

высится. Но банда продолжит убивать — теперь уже из автоматов...

— В город на чем прибыл? — проворчал Куренной. — Поездом из Пскова?

— Мог бы им, — кивнул Горин, — до войны бы так и сделал. На хрена спрашиваешь, Куренной? Ветка из Пскова разрушена в ходе боев, сам это знаешь, и пока у советской власти нет ресурсов для ее восстановления. Вокзал работает, но направление одно: на север, через Сланцы и Кингисепп — в Ленинград. Оттуда, кстати, и прибыл поездом, ты не ошибся. Станция конечная, все выходят.

Ответ был правильный. Куренной кусал губы. Кира украдкой поглядывала на начальника, делала серьезное лицо. Не нравился никому этот парень, но его и не вешать на стенку для украшения интерьера. Арестант неважно себя чувствовал. Он держался, но как-то вдруг напрягся, кожа на скулах побелела. Он закрыл глаза, начался приступ боли. Забилась жилка на виске. Стало легче, мужчина расслабился, открыл глаза. В них поблескивал насмешливый огонек. Кира склонила голову, проявляя любопытство. Переверела взгляд на начальство. «Да, Вадим Михайлович, возможно, этот тип и непричастен к нападению, — говорили ее глаза, — но не отпускать же его?»

Действительно, как можно. Так не поступают советские милиционеры.

— Ну что ж, Павел Андреевич. — Куренной зашевелился, стал подниматься из-за стола. — Будем считать, что на сегодня мы закончили. Пора есть, как говорится, а мы еще не спали. Все устали, пора на покой. Посидите, подумайте, может, придет в голову что-то интересное. А мы пока наведем о вас справки. Вы чем-то недовольны?

— Не обрадовали... — Арестант испустил тяжелый вздох.

Куренной поступал логично, он обязан был задержать незнакомца до выяснения личности.

— С вами все в порядке, Павел Андреевич? Может, врача позвать? К сожалению, раньше десяти утра он не появится.

— Не надо, перебьюсь...

Куренной вызвал конвой. Задержанный поднялся, но закружилась голова. Он потерял ориентацию в пространстве, сел обратно. Охранник перехватил взгляд начальства, не стал зверствовать, помог человеку подняться, вывел из кабинета.

Голова трещала, как последняя сволочь. Подкашивались ноги. Страж спустил его в подвал, завел в камеру. Горела тусклая лампочка, обросшая жиром и пылью. В тесном пространстве стояли

две шконки, на одной из них лежал человек. Сознание выключалось от острой боли. Боль всегда была рядом, в голове, иногда беспокоила меньше, но сегодня просто разъярилась. И удар по затылку лишь усилил яркие ощущения. Арестант добрался до дырявого матраса, долго лежал, приходя в себя. Короткие обмороки прерывались болезненными побудками. Рядом кто-то ворочался, кряхтел. Потом приподнялся, всмотрелся в полумрак.

— Эй, братуха, ты кто? — сипло выдавил сиделец. — Я Сундук, а ты?

— Человек я... — прошептал Павел. События ускользали, такого обострения он давно не переживал.

— Да ясен перец, что человек, — стал настаивать сосед. — Кликуха у тебя какая? Ферштейн?

— Моченый я... — прошептал Павел. Ничего другого в голову не пришло.

— Не знаю такого. Из залетных, что ли?

— Вроде того...

— А чалишься за что?

— Да ни за что...

— Вот и я ни за что, — обрадовался сосед и спустил ноги на пол. — Мусора-козлы закрыли не за хрен собачий. Кент Махан дело говорил: не ходи, мол, к Варьке, отсидись на хазе, замерзни — она хоть и девка что надо, а с мусорами знается,

и хазовка у нее запуленная... Так и есть, на арапа взяли, шуцер сломали... теперь мотать в этой гадилровке. А я тот склад даже не обнес, лишь серьгу сорвал, а цветные тут как тут — на двух арбах, ну и попал в замес. Ржут, падлы: дескать, зашел не в свою, гражданин Сундук...

Общаться столь высоким слогом Павел не умел. Натаскался в бытность начальником уголовки, но давно это было, утратил словарный запас. При всем желании не смог бы поддержать беседу. Казалось, в мозг вонзилось раскаленное шило, он застонал, откинул голову. Не имело значения, где он находится — в вонючей камере или во дворце со всеми удобствами и видом на море... Собеседник что-то бурчал, ждал взаимного откровения, но развлечь его было нечем. Арестант забылся тяжелым сном. Боль приутихла, удалось немного поспать. Очнувшись, обнаружил, что соседние нары пусты. Куда дели гражданина Сундука? Увели на допрос? Отправился по этапу в места не столь отдаленные? Снова было пробуждение — и вновь он пребывал в одиночестве. По совести, совсем не волновало, куда пропал Сундук. Тянулись минуты и часы, он лежал на матрасе, стараясь меньше шевелиться. Боль стихала. Она по-прежнему была рядом, но сейчас сделала паузу, напоминая о себе лишь тупым нытьем.

Он не помнил, сколько часов провел в таком состоянии. Время, казалось, скомкалось. Пришел охранник, принес еду. Ничего при этом не сказал, приятного аппетита не пожелал. Павел жевал липнущую к зубам кашу, запивал холодным чаем. Опять появился конвоир, произнес единственную фразу: «Если хочешь по нужде, то пошли». Хотелось не очень, но пошел. Оказалось, туалет совсем рядом, за углом. В соседней камере кто-то хрипло смеялся, «ботал по фене». Контингент был соответствующий подобному месту. Сундука не вернули, пропал человек, да и бог с ним. Уборные в помещениях тюремного типа были тем еще удовольствием. Он снова лежал на нарах, иногда посматривал на наручные часы. В какой-то момент растерялся: половина третьего — это дня или ночи? Хронология событий стала путаться. Заскрежетала дверь. Арестант приподнялся, сел. На пороге стояла оперуполномоченная Латышева и с любопытством разглядывала сидельца. Темные волосы были собраны в пучок, она сменила штаны на юбку, а в целом ничего нового.

— Наконец-то, — проворчал Павел. — Решили судьбу человека? Могу идти? Или по этапу — и в края вечного лета? — Он начал подниматься.

— Сиди. — Женщина сделала предупредительный жест. — Прыткий больно, собрался он уже...

— А чего пришла-то? — расстроился Горин.

— Соскучилась.

— Я тоже по вам скучаю, сил уже нет. — Павел вздохнул и вернулся на нары.

Женщина помялась и ушла. Снова потянулись резиновые часы. По потолку, как по экрану,плыли кадры прожитой жизни, озарялись видения. Они цепляли за живое, кололи в сердце. Все как было сказано: служба в милиции, фронт, действующая армия. Месяцами не вылезал из боевых действий, отдыхал лишь в госпиталях. Снарядный осколок — в ноге, от мины — в печени. С Катей Усольцевой познакомились в августе 44-го, когда гнали фашиста из Белоруссии. Дивизия подходила к Польше, немцы сопротивлялись как черти, бросались в контратаки. Одну из последних проворонили. Полки ушли в прорыв, увязли в тяжелых боях. Штаб дивизии застрял в убогой деревушке, которая даже на карте не значилась. Появление немецкого десанта было как гром среди ясного неба. Парашютистов выбросили с двух самолетов — при полном вооружении, с десятком «косторезов». Штабистов взяли в клещи и стали методично уничтожать. Полегла под перекрестным огнем рота охраны. Штабисты отстреливались, бросались на десантников с голыми руками. Генерала Кузьмина боевые соратники спря-

тали в деревне. На сигнал тревоги откликнулся только Горин — его ребята оказались неподалеку. Шестьдесят четыре человека — все, что осталось от роты дивизионной разведки, — на трех полуторках бросились спасать штабистов от полного разгрома. Внезапным броском завладели пулеметами, заблокировали парашютистов в деревне. Немцы не ожидали, стали допускать промашки. Их силы оказались разбросаны, мелкие группы уничтожали по отдельности. Горин потерял двенадцать бойцов, уничтожили больше семидесяти. Последняя группа десантников засела в штабной избе, где расстреливали захваченных офицеров. «Ну что, мужики, поработаем вручную?» — объявил Павел. Атаковали стремительно, перебили окна, вынесли заднюю дверь. Диверсантов уничтожали прикладами и саперными лопатками. Несколько человек, включая начштаба полковника Гуляева и раненого комдива, вызволили из подвала. Чудо с большими глазами — девушка лет двадцати пяти оборонялась вместе со всеми, стреляла из автомата, перевязывала раненых, хотя была не медиком, а радистом. Горин вел ее через двор, заваленный трупами, она спотыкалась, изумленно смотрела ему в глаза и не слышала, что он говорил. Контузию у нее, впрочем, вылечили. Части дивизии, потрепанные в боях, отвели

в тыл, их заменили свежие формирования. Они влюбились друг в друга без памяти. «У нас с тобой любовь с первого раза», — шутила Катя после первой ночи, и он потонул в омуте ее глаз. Она продолжала служить при штабе, принимала и отправляла радиogramмы; Павел орудовал со своими солдатами в ближнем немецком тылу. Женщина молилась за него ежедневно, просила Бога сохранить ему жизнь. Чуть свободная минута — мчался к своей возлюбленной, и все к этому привыкли, даже начальство. Майор из особого отдела, у которого голова была не на месте, пытался подкатить к Кате, строил козни против Горина. Для майора все закончилось печально — в дело вмешался комдив. Генерал-майор помнил, кто спас его штаб. Особист прекратил ухаживания, но продолжал копать под боевого офицера. Однажды машина майора попала под обстрел в прифронтной полосе. Водитель выпрыгнул, майор замешкался, второй снаряд приземлился перед капотом, и то, что осталось от особиста, долго собирали в кучку. «Бог в помощь», — шутили потом товарищи. Дивизия наступала, в потрепанные части прибывали подкрепления. Высшие силы хранили влюбленных. Катя тоже рисковала: штаб неоднократно подвергался бомбежке, контрударам, просачивались диверсионные группы. Оба

точно знали — по отдельности им не жить. Каждый стал частью другого. Шла война, люди гибли, и от мысли, что может случиться всякое, тоскливо сжималось сердце. В феврале 45-го, когда дивизия прогрызала оборону на границе Польши и Германии, Катя получила ранение. Осколок извлекли из брюшной полости. Важных органов металл не повредил, но Горин думал, что сойдет с ума. Две недели Катя лежала на больничной койке, потом стала ходить, но при этом тяжело дышала и быстро уставала. Вроде обошлось, восстановилась, хотя здоровье уже было подорвано. Военные врачи рассудили здраво: девушку комиссовали из армии. Война подходила к концу, на фронте требовались здоровые люди. К тому же пришло известие из ее родного Вдовина Псковской области: умерла мать, с отцом случился серьезный приступ. Она поехала на родину. Павел дико волновался при расставании, его терзали противоречия: с одной стороны, она теперь в безопасности, с другой — разлука. Катя плакала у него на шее, клялась, что будет ждать. Ушел эшелон, и опустело сердце. Он писал ей через день, Катя тоже не скупилась на эпистолярию. Доехала, все в порядке, в городе мирная жизнь — ведь его освободили еще в начале февраля 44-го! Здесь все в порядке, восстанавливаются разрушенные здания. Ездила

на Чудское озеро, до которого от города две версты, отдыхала на природе. Озеро сильно обмелело за годы войны, но скелеты тевтонских рыцарей на дне пока не просматриваются. У Кати было хорошее чувство юмора, любила шутить, беззлобно подтрунивала над ним. Она ждала, умоляла писать при любой возможности. Потом случилось несчастье: умер ее отец. Последующие письма были проникнуты тоской: «Приезжай скорее, прошу тебя». — И порой создавалось ощущение, что она забыла, что еще идет война.

В марте 45-го, возвращаясь с задания, группа попала под обстрел. Мины сыпались как горох. Кто выжил, добежали до брошенных немцами позиций, там, в траншее, Горина и накрыло. Мина взорвалась рядом с бруствером, его завалило поленьями, засыпало землей. Товарищи откопали, думали, что труп, но нет, он зашевелился, стал кряхтеть, как старый дед. В полевом госпитале пришел в себя, весь в бинтах — обломки наката порвали кожу, сломали пару ребер. В голове звенел и кружился целый парк аттракционов. Ребра срослись, но голова не возвращалась на место. Болела постоянно — то больше, то меньше, приходилось горстями глотать таблетки. Пока валялся в лазарете, дивизия ушла, пропала за горизонтом. Катя писала, но письма уходили в пустоту.

Шли недели. Последствия контузии были страшными. Память возвращалась медленно, мучили постоянные головные боли. Советские войска штурмовали Зееловские высоты, а brave капитан валялся на койке в одной из западных областей Польши. Доктора обследовали внутренности черепной коробки, удрученно качали головами. Врачебная комиссия приняла решение уволить капитана из армии. Комиссовали в середине мая, когда закончилась война и над всем Европейским континентом воцарились мир и покой. В финальной битве поучаствовать не довелось, но слезы жалости не лил — навоевался. Рвался во Вдовин, но пришлось навестить родной Новгород. Мать скончалась на третий день после его возвращения. От радости люди не умирают, но в данном случае что-то пошло не так. Переволновалась Надежда Ивановна, схватилась за сердце, срочно госпитализировали. В квартире жили переселенцы. С матерью мирились, а ее сына встретили в штыхы. Ситуация абсурдная, у одного из этих людей были связи в обкоме. Квартиру захватили, как пираты торговое судно. В один из дней Павел обнаружил, что его прописка чудесным образом аннулирована. Экстренный случай, — объяснили в райкоме и даже не смутились, — суровая партийная необходимость. Можем предоставить ком-

нату в заводском общежитии. И что вы нам суετε свои медали и ордена?! Много вас таких по стране бегаает! Ярость нахлынула на Горина, он вернулся в квартиру, выбил дверь (замки уже поменяли), начистил лощеную морду и спустил ее обладателя с лестницы. Остыл мгновенно, стал гадать, когда за ним придут: через час, два? Пришли через сорок минут. Десять суток ареста вылились в двадцать — поднял руку на ответственное должностное лицо! Абсурд расцветал махровым цветом. За что воевали? За ЭТИХ? Начальник отделения оказался мужиком понятливым, не злым. «Все понимаю, парень. Но и ты пойми. Когда-нибудь прижмем к ногтю этих зарвавшихся паразитов. Беру на себя ответственность: ты свободен. Отбрышусь как-нибудь. Бросай это дело — квартиру не вернешь. Снова отделаешь этого пуделя — помочь уже не смогу. Лучше уезжай. Или веди себя тихо». Комнату в общежитии больше никто не предлагал. Город стал противен. Павел навестил могилу матери, привел ее в порядок. Пока сидел в кутузке, началось лето. Приступы головной боли умереннее не становились, порой настигали в людных местах. Хорошо, имелись деньги — получил офицерское довольствие за несколько месяцев. Что он тут делал? Разве здесь он должен находиться?!

Билет на поезд через Сланцы, сутки в общем вагоне. Вскарабкался на третью полку, где и спал, вцепившись в кронштейн — полка оказалась настолько узкой, что лежать можно было только на боку. Черные мысли лезли в голову. Храбрый офицер, трижды проливавший кровь, оказался никому не нужным. Он был уже не тем, терялся среди людей, становился усредненным гражданином — с такими же страхами, зависимостью от властей. Странно, даже мысль о Кате уже не вызвала трепетных томлений. Зачем он ей такой — побитый жизнью, сломавшийся, больной и даже без жилья?

Лето выдалось не жарким, случались дожди. Люди ходили в куртках и пальто — иногда расстегивали их. Город Вдовин произвел унылое впечатление. Замусоренный вокзал, какие-то цыгане, бродячие собаки. Станция не являлась транзитной — ветка на Псков была повреждена. Вокзал находился фактически в центре, в окрестностях улиц Пролетарской и Ленина. Здесь стояли приличные кирпичные здания, многие сохранили купеческий колорит. Тотальных разрушений не наблюдалось. Что могли, подлатали, остальное обнесли заборами. Дороги худо-бедно восстанавливали, работала техника. Город занимал обширную территорию к востоку от Чудско-

го озера, районы в основном были малоэтажные. До войны здесь проживало тысяч двенадцать населения — возможно, и сейчас столько же, многие вернулись из эвакуации. Двухэтажные бараки тянулись во все концы города. Жилые дома чередовались промышленными предприятиями. До войны здесь работали заводы — рыбный, кирпичный, хлебный, льнозавод. Имелась спичечная фабрика, электростанция, молочный завод. Многие предприятия испытывали трудности, но уже запускались: выдавал продукцию кирпичный завод, оживала жизнь на промкомбинате.

Улица Тургенева находилась на западной окраине — люди подсказали. Горин отмотал половину пути, как что-то его остановило. Навалился страх настолько сильный, что поджилки затряслись. А вдруг уже не ждет, вышла замуж на скорую руку или обзавелась ухажером? Может, не живет уже в городе, мало ли что произошло? А он приперся... Страх был иррациональный, необъяснимый. Куда подевался решительный офицер-разведчик? Во что превращает людей пакостное гражданское болото? Повернул назад, бесцельно болтался по центру, где обстановка была более-менее сносной — мимо школы и больницы, действующей церквушки, городского Дома культуры, ухитрив-

шегоса сохранить помпезные колонны. Местный кремль на холме был взорван немцами при отходе, лежали в руинах собор, колокольня, сохранились лишь фрагменты стены.

Он бродил, пока не стало смеркаться, испытывая странные чувства. На странного прохожего косились люди. Город жил нормальной жизнью. Молодые люди бежали в клуб на вечерний киносеанс — показывали трофейный фильм с опереточным оформлением. Он посидел в пивной, приложился к кружке пива за 14 рублей. Пиво было дурное, кислое, без аромата. После него еще сильнее заболела голова. Он осилил полкружки, снова стал слоняться, пытаясь продышаться. Не идти же к любимой с этим амбре? Занесло в северные предместья. Там возвышались такие же бараки. Проезжая часть раскисла, под ногами поскрипывал дощатый тротуар. Уже понял: этим вечером к Кате не пойдет. Как-то странно развернулась жизнь. То, о чем мечтал, находилось в зоне пешей доступности — а он выдумывал предлоги, чтобы отсрочить визит! Стал искать место для ночлега, блуждал по городу, как бродяга, по дворам. В итоге снял жилье у благообразной пенсионерки Евдокии Семеновны Свечниковой. Женщина сидела у открытого окна, на вопрос прохожего, где тут мож-

но снять комнату на ночь, бесхитростно поведала:

— У меня, сынок.

Вещей у клиента было, мягко говоря, немного — заполненный на треть вещмешок за спиной.

— Барак напротив, второй этаж, — сказала пенсионерка. — Там сын мой с невесткой жили, да только погиб он в сорок втором, а невестку в Германию в рабство угнали, там и сгинула наша Наташка... Только на ночь, сынок, никто жильё не сдаст. Участковый придет, протокол напишет. На ночь снимают те, кто приводит девиц непутевого поведения. Ты же не из этих? Снимай на неделю — девяносто пять рублей, меньше не могу... И не переживай, там хорошая отдельная квартира, свет есть, вода течет. Даже туалет имеется... если не боишься, что бачок от унитаза по башке даст.

Пришлось соглашаться. Средняя зарплата в стране подтянулась к 500 рублям. Сотня без малого за неделю — еще терпимо. И Евдокия Семеновна не производила впечатления разбойницы с большой дороги. Вода действительно текла, свет горел, бачок удалось закрепить вертикально с помощью ржавой велосипедной цепи. Пачка наличности (все, что осталось за душой) стала тоньше, но не критично. Часть денег он спрятал

под половицей, остаток вечера лежал на продавленной кушетке, мылся под краном — что напоминало забавный клоунский номер. Городские звуки сюда не проникали, соседи попались тихие. За окном накрапывал дождь. В одиннадцать вечера разразилась полноценная гроза, потоки воды хлестали по двору. Но быстро все стихло, выглянула луна — ярко-желтая, выпуклая, в полный формат...

В полночь жареный петух клюнул в темечко, засуетился, стал собираться. Вывихнулось что-то в сознании — понял, что надо идти, нельзя откладывать! Если ждет, то ей без разницы — ночь-полночь... С улицы Кленовой, где снял жилье, до западных окраин добирался по наитию — определил, где запад. Быстро шел по улицам и переулкам, срезал путь через темные подворотни. Криминальный элемент не попадался — об этом и не думалось. В итоге заблудился вблизи улицы Камышинской, вокруг которой теснились складские помещения. Вдруг раздались выстрелы из пистолетов, он различил несколько хлопков — ТТ, немецкий «люгер-парабеллум». Ухо натренировано, навыки не ржавеют... Павел даже не колебался. Помогать надо людям! Припустил по переулку, как был с голыми руками. Только выбегая на дорогу, проявил осторожность — прижался

к трансформаторной будке, высунул нос. Дальше все ясно и в зубах навязло. И как доказать милиционерам, что он случайно оказался в том районе?

ГЛАВА 2

Двое суток просидел арестант в камере, прежде чем оперативники соизволили вывести его в свет. В принципе кормили и поили, выпускали по нужде, шумными соседями не нагружали. В кабинете, помимо Киры Латышевой и капитана Куренного, находился рослый мужчина лет пятидесяти с постным лицом и погонами майора.

— Это он? — спросил мужчина.

— Угу, — ответила Кира. Она снова была в штанах, в шерстяном жакете с кожаными вставками. Женщина подстриглась, теперь волосы у нее были выше плеч и вряд ли могли завязаться в узел.

«Жизнь идет», — подумал Павел.

— Ну-ну, — сказал мужчина, поднялся со стула, придирчиво осмотрел задержанного, нахмурился. — Ладно, заканчивайте с ним. Куренной, через полчаса на совещание.

— Угу, — сказал капитан.

Долговязый товарищ покинул кабинет. Куренной отложил карандаш, прицелился взглядом в за-